

УДК 94 (37+38)

АВЛ СИТЕСИЙ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ФИЛОСОФСКО-МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЫ НА БОСПОРЕ

Лейбенсон Ю. Т.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация*

E-mail: indrik-u-blues@rambler.ru

Рассматривается надгробная стела Авла Ситесия в качестве источника сведений о медиках на Боспоре. Надгробие II в. н. э. из Пантикапея содержит рельеф, на котором представлен врач Авл Ситесий в образе философа, и эпитафию, где указана его принадлежность к эмпирической философско-медицинской школе. О теоретических положениях и методах работы эмпириков сохранились сообщения античных писателей – Авла Корнелия Цельса, Секста Эмпирика, Галена. С их помощью можно в общих чертах представить основные принципы практики Авла Ситесия на Боспоре. Имя Авла Ситесия позволяет предположить, что он происходит из вольноотпущенников Малой Азии. В указании эмпирической школы в краткой эпитафии Авлу Ситесию, вероятно, следует видеть желание учеников, поставивших стелу, подчеркнуть важность своего философско-медицинского направления. Авл Ситесий – это единственный медик, практиковавший на Боспоре, чье имя известно. Кроме того, он единственный известный на Боспоре представитель философско-медицинской школы, что делает его надгробие особенно ценным памятником для изучения культуры Боспорского царства и Северного Причерноморья в целом.

Ключевые слова: античные государства Северного Причерноморья, история медицины, философия, просопография.

О деятельности медиков античного Боспора сохранилось крайне мало сведений. О том, что в городах Европейского и Азиатского Боспора, начиная с V–IV вв. до н. э., практиковали врачи, известно, главным образом, благодаря находкам хирургических инструментов: зондов, медицинских игл, бужей, пинцетов, аптекарских ложек, плакеток и ступок для растирания лекарств (Рис. 1–3). Медицинские инструменты происходят из городищ и некрополей Пантикапея, Горгииппии, Фанагории, Тиритаки [14, с. 191, № 199–201; 20, с. 141; 21, с. 70–71]. Можно предположить, что в пантикапейских святилищах Аполлона и Асклепия практиковали профессиональные врачи (как это было в святилище Асклепия в Эпидавре) [9, с. 162, 170–172]. Но по имени известен только один медик, работавший на Боспоре¹. Единственный источник, который сообщает о нем, – это надгробие, относящееся к первой половине II в. н. э. из Пантикапея². На рельефе стелы изображен мужчина в гиматии, со свитком в руке; он стоит рядом с алтарем, обвитым змеей (Рис. 4). Надпись на стеле краткая: «Авл Си-

---

¹ Что касается медиков, практиковавших в других государствах Северного Причерноморья, известны имена нескольких врачей из Херсонеса эллинистического (Эвклес с Тенедоса; Лесханорид, сын Эвклеса; Дионисий, сын Пантагнота) и римского времени (Публий Ведий Трепт; возможно, Гай, сын Антиоха); Тиры римского времени (Луций Папирий Олимпик и Марк Сей Гагрилий).

² Стела Авла Ситесия хранится в Херсонском краеведческом музее (Инв. № ХЕМ-а-5816).

тесий, эмпирик, прощай» [12, № 655]. Эмпириками назывались представители философско-медицинской школы¹, популярной в римское время. В. В. Латышев считал слово «эмпирик» собственным именем, но примеры надписей римского времени показывают, что школа, к которой принадлежал медик, часто указывалась в эпитафиях: «врач методик», «врач перипатетик и христианин» [12, с. 382]. О принадлежности Авла Ситесия к медикам свидетельствует также изображение алтаря со змеей – символом Асклепия.

Все указывает на то, что в Авле Ситесии следует видеть представителя популярного философско-медицинского направления. Идея тесной связи медицины с философией неоднократно высказывалась античными авторами. С одной стороны, философия часто понималась как искусство, аналогичное врачебному делу, поскольку она исцеляет души (Cic. Tusc. Disc. III. 3. 6; Luc. Dem. 7; Luc. Catapl. 7). С другой, от врача требовалось быть истинным философом в том смысле, что философский образ жизни подразумевал как разностороннее образование, так и высокую нравственность. Гален, автор II в. н. э., посвятил этой идее трактат «О том, что лучший врач также и философ», в котором настаивал на том, что «...врач должен упражняться в логике... кроме того, он должен обладать всеми познаниями в области философии, логики, физики и этики... философия необходима тому, кто занимается благородным искусством врачевания» (Galen. Quod optim. medic. sit quoq. philos. 60) [Цит. по: 5, с. 83]. Характеристики образа жизни, который требовался от медика, по Галену, совпадают с требованиями, предъявляемыми философу: «Личность, которая хочет стать истинным врачом, не только презирает богатство, но она в крайней степени приучена к перегрузкам, любит напряженный ритм работы. Нельзя и представить себе, что такой работяга может позволить себе напиваться, объедаться, предаваться усладам Венеры, короче говоря, служить своей нижней части тела. Все это потому, что истинный медик – друг умеренности, сколько и истины» [Цит. по: 1, с. 348]. Наконец, некоторые медицинские толки в своих теоретических изысканиях основывались на положениях философских школ: методики и эмпирики были вместе с тем и скептиками (приверженцами учения эллинистического философа Пиррона Элидского и его последователей).

Эмпирическая школа возникла еще в эллинистический период. Она оставалась популярной вплоть до второй половины II в. н. э., когда Гален составил описание основных положений эмпириков в трактате «О толках, для начинающих». Показательно, что время постановки стелы Авла Ситесия относится к тому же веку. О медиках эмпирической школы и их учении сообщали также Авл Корнелий Цельс (I в. н. э.) и Секст Эмпирик (вт. пол. II в. н. э.).

Авл Корнелий Цельс называл основателем эмпирической школы Серапиона, последователя александрийских медиков III в. до н. э., Гиерофила и Эрасистрата. Серапион первым провозгласил бесполезность теоретической медицины и обосновал врачебную науку, основанную «только на практике и опытах» (Cels. De med. Proem. 9–10). В отличие от Гиерофила и Эрасистрата, эмпирики, судя по свидетельству Цельса, отвергали вскрытие человеческого тела, считая его попросту ненужным: работать

---

¹Такие школы называли *αἵρεσις* – «толк», «направление». Латинские авторы переводили этот термин словом *secta*. Негативную коннотацию оба термина приобретут позднее.

необходимо с «явными» причинами болезни или травмы, а причины скрытые все равно познать нельзя; природа, по их мнению, непостижима (Cels. De med. Proem. 27–28). К тому же эмпирики настаивали на том, что полезнее знать не причину болезни, а способ излечения, его можно установить только опытным путем. Но нельзя сказать, что эмпирики вовсе отвергали теоретические познания: ведь если бы врач не нуждался в разумном объяснении, тогда нужно было бы признать, что неразумное животное обладает преимуществами в искусстве медицины. При этом гипотезы, объясняющие скрытые причины болезней, эмпирики все же считали не имеющими отношения к делу (Cels. De med. Proem. 38-39). Такой подход к медицинской науке Цельс не упускал случая осудить, ведь, по его мнению, эмпирики искусственно себя ограничивали изучением явлений и причин самого общего порядка, наиболее легко постижимых. Несмотря на укоры Цельса, эмпиризм в его описании выглядит как полноценное направление в медицине, отличающееся собственными методами и врачебной философией.

Рис. 1. Хирургические инструменты IV–I вв. до н. э. Городище и некрополь Пантикапея.

Рис. 2. Хирургический инструмент III–II вв. до н. э.
Елизаветинское городище.

Рис. 3. Хирургические инструменты из Горгиипии V в. до н. э. – II в. н. э.

Сообщение Галена в трактате «О толках, для начинающих» подтверждает свидетельства Цельса об эмпириках. Согласно Галену, врачи-эмпирики опирались не на теоретические положения (в отличие от представителей школы рационалистов), а на опыт, доверяли аутопсии (непосредственному наблюдению) и истории (рассказу о болезни), обращали внимание на видимые явления. Кроме того, эмпирики исследовали «предшествовавшие причины». Гален приводит такой пример: рана у больного возникла вследствие укуса собаки. Лечить, конечно, необходимо рану. Но укус собаки важен в качестве «предшествующей причины», которую, как эмпирикам было известно из опыта, необходимо учитывать (Gal. De sect. II, V). Эмпиризм вызвал острую критику со стороны рационалистов, считавших такой подход внутренне противоречивым, неполным и недостаточно искусным. Но интересно, что Гален «примирил» эмпириков с рационалистами: несмотря на противоположные подходы, оказываемое ими лечение практически одинаково. Рационалисты опираются на исследование базовых законов анатомии, физиологии, гигиены, а эмпирики – на предыдущий положительный опыт. Так, догматик-рационалист должен был избегать лечения кровопусканием жителей Скифии и вообще северян, взяв на вооружение теорию влияния климата на организм человека. Эмпирик, в свою очередь, избегал такого лечения по той причине, что по опыту знал, как тяжело переносят кровопускание на севере. «Выведа» врача-эмпирика спорить с врачом-методиком (представителем еще одной философско-медицинской школы, утверждавшей, что врачебное искусство можно освоить за полгода), Гален вкладывает в уста эмпирика своеобразный «программный манифест эмпиризма»: «Я ничего не знаю о том, что находится за пределами явлений, и не предлагаю ничего мудренее того, что сам часто наблюдал» (Gal. De sect. II, V, VIII) [Цит. по: 10, с. 68].

Систематизатор скептического метода, Секст Эмпирик, в «Пирроновых положениях» описывал эмпирию как врачебный метод. Учителем самого Секста Эмпирика был Геродот из Тарса, а Геродота, в свою очередь, учил Менодот из Никомидии, с деятельностью которого обычно связывают слияние философии скептицизма с эмпирическим врачебным методом [19, с. 511–512]. Сам Секст Эмпирик пытался отмежеваться от медиков-эмпириков, представляя их совсем не похожими на скептиков: эмпирики находят возможным утверждать невозможность восприятия чего-либо, а это уже догматизм. Истинный скептицизм адогматичен: он ничего не утверждает, но все исследует (σκέψις – это и есть «исследование») [13, с. 212]. Согласно Сексту Эмпирику, к скептикам ближе врачи-методики, не утверждающие познаваемость или принципиальную познаваемость чего бы то ни было, не занимающиеся установлением причин заболевания, но исследующие течение болезни как отдельное явление (Sext. Emp. Pyrrh. I. 63–65). Но в то же время, Секст Эмпирик передал мнение «некоторых» о тождестве эмпирии и скептицизма¹ (Sext. Emp. Pyrrh. Pyrrh. I. 63).

¹ Самого Секста Эмпирика, занимавшегося врачеванием, исследователи причисляют и к эмпирикам (по прозвищу и сообщению псевдо-Галена), и к методикам (исходя из текста «Пирроновых положений») [3, с. 418]. Высказывалось мнение, что эмпириков и методиков не стоит противопоставлять друг другу, поскольку оба этих направления являются скептическими и противоположны они не друг другу, а догматикам [13, с. 216].

Рис.4. Стела Авла Ситесия. II в. н. э. Пантикапей.

Рис. 5. Статуя пантикапейца. I в. н. э.

Отрицание врачами эмпирической школы возможности познания истинных причин болезней основывалось на скептической философии. Основателем скептической школы считают Пиррона Элидского (ок. 360–270 гг. до н. э.). Развивая положения софистов и элеатов о всеобщей «текучести» и изменчивости, он пришел к тому, что с помощью философского метода можно доказать противоположные суждения об одном и том же предмете. Это вынудило Пиррона сделать вывод о необходимости воздерживаться от суждений. Поэтому Диоген Лаэртский отмечал, что Пиррон не оставил своим ученикам никаких догм (Diog. Laert. IX. 11. 70). Для скептицизма римского времени характерно совмещение скептической философии и медицинской практики: Диоген Лаэртский назвал восемь философов-пирронистов после Энесидема (сер. I в. до н. э.), из которых шесть были практикующими врачами-эмпириками (Diog. Laert. IX. 12. 116).

Итак, зная особенности эмпирической философско-медицинской школы, можно представить в общих чертах работу врача, увековеченного на пантикапейской стеле. Авл Ситесий должен был вести наблюдения (аутопсию) за ходом болезни своих пациентов; исследовать «предшествующие причины» болезней, поскольку опыт доказал важность их учета для успешного лечения; доверять только многократно подтвержденным в медицинской практике методам и лекарственным средствам. Неизвестен полный перечень методов лечения, которые использовал Авл Ситесий. Зато из сообщения Галена, как мы видели, известен метод, которым врач-эмпирик не должен был пользоваться. Эмпирики были убеждены, что в Скифии из-за холодного климата нельзя употреблять кровопускание; на Боспоре с его холодными зимами (Strab. VII. 3. 18) Авл Ситесий наверняка не применял эту популярную практику¹.

Несмотря на лаконичность эпитафии, кое-что можно сказать и о самом Авле Ситесии. Обращает на себя внимание отсутствие патронимика в эпитафии, что часто указывает на статус раба или вольноотпущенника. С. В. Дьячков видел в Авле Ситесии вольноотпущенника из Малой Азии, получившего римское гражданство (Ситесий – имя, характерное для провинциальных греков, получивших римское гражданство). Когномен Авла Ситесия не назван намеренно, чтобы скрыть его статус вольноотпущенника. Появление врача-вольноотпущенника на Боспоре исследователь объясняет малоазийской эмиграцией, происходившей в первые века новой эры и связанной с римской провинциальной политикой [11, с. 71]. Это предположение косвенно подтверждается существованием в Малой Азии школ эмпирической направленности: в Лаодикее, Никомедии, Тарсе (Diog. Laert. IX. 12. 116).

На надгробном рельефе Авл Ситесий представлен как истинный философ: в гиматии², со свитком в левой руке. Так же боспорские мастера изобразили, например, философов и писателей Стратоника, сына Зенона; Саббиона, сына Стефана. Но портрет Авла Ситесия имеет ряд существенных отличий от распространенного на Боспоре типа изображения интеллектуала. Гиматий – единственная одежда на медике, в то

¹ Кровопускание было всеупотребительной мерой в борьбе с множеством болезней. Авл Корнелий Цельс отмечал, что не было такой болезни, с которой не следовало бы бороться кровопусканием (Cels. De med. 2. 10).

² Гиматий или паллий, гражданский плащ – одежда, которая «предписывалась» людям интеллектуальных занятий (Dion. Chrys. Or. 72. 1-2; Luc. De merc. conduct. 25; Tert. De pall. VI. 2; Apul. Flor. IV, VII).

время как обыкновенно фигура со свитком и в ораторской позе изображалась в круглой скульптуре и рельефах Боспора в гиматии, хитоне или куртке, штанах и сапогах (Рис. 5). Рядом с фигурой врача нет слуги, вместо него по правую руку Авла Ситесия стоит алтарь, обвитый змеей¹. Размещение свитка в левой руке мужской фигуры характерно для боспорских стел, но при этом правая рука фигуры на памятнике Авлу Ситесию не прижата к груди, как в популярной «ораторской» позе, а направлена вниз к алтарю. Изображенные на рельефе одежда, поза, положение рук находят аналогию в близких по времени северопричерноморских статуарных и рельефных изображениях Асклепия (Рис. 6–9). На том, что философ внешним видом (включая одежду) сходен со статуями богов, настаивал Дион Хризостом (Dion. Chrys. Or. 72. 5–6). Идея о божественном характере философии была популярна в античной литературе начиная с Платона (напр., Plat. Symp. 203–204c; Plat. Phaed. 114c; Plat. Soph. 216b; Plat. Phaedr. 239b, 249 c–d; Cic. De orat. I. 49. 212). Известна она была и на Боспоре, где людей интеллектуальных занятий называли «божественными», «питомцами Муз» [12, № 118, 121, 145, 146].

Рис. 6. Статуэтка Асклепия.
Конец II – начало III вв. н. э. Кипр.

---

¹ Похожие алтари из известняка с рельефами в виде змей найдены в Херсонесе римского времени [4, с. 30–36].

Рис. 7. Статуэтка синкретического Зевса-Асклепия. Фанагория. I–II в. н. э.

Возможно, стела поставлена учениками врача-эмпирика, которые хотели подчеркнуть божественный характер философии и врачебного искусства своего наставника. О том, что память Авла Ситесия увековечена именно учениками, свидетельствует и характер эпитафии. В таких кратких надгробных надписях, какой является эпитафия Авлу Ситесию, на Боспоре I в. до н. э. – II н. э. обычно указывались только имя и патронимик умершего (для женщин – имя мужа, которое заменяет имя отца или соседствует с ним), иногда – отечество умершего, не бывшего боспорянином (синопеец, херсонесец). К имени прибавлялось слово «прощай» (χαῖρε), и эпитафия на этом завершалась [12, № 265–690, 692–708]. Если заказчики надгробия хотели указать дополнительные сведения об

умершем или выразить свою скорбь, они обычно прибавляли к краткой формуле эпитафии другой текст, часто поэтический¹ [12, № 119, 120, 123–131, 133–143, 145, 146]. Те, кто поставил памятник пантикапейскому врачу, нарушили это общее правило, и в краткую эпитафию ввели указание на то, что Авл Ситесий принадлежал к эмпирической школе. Крайне маловероятно, что факт принадлежности медика к тому или иному философско-медицинскому течению был важен для семьи покойного или для благодарных пациентов. Высказывалась версия, что памятники небогатым и незнатным, но отличившимся боспорянам ставились от лица государства [15, с. 67]. Но и в этом случае, скорее всего, в эпитафии Авлу Ситесию была бы просто отмечена его медицинская профессия, а не выбранное им философское направление. Увековечить память врача-философа, подобного Асклепию, и подчеркнуть его приверженность к конкретной школе, – все это могло отвечать, скорее, целям учеников Авла Ситесия, как и он, относившимся к эмпирическому толку.

Можно, по крайней мере, предположительно судить о том, с какими болезнями приходилось сталкиваться эмпирику Авлу Ситесию во время практики на Боспоре. Это боевые травмы у мужского населения; бытовые травмы, характерные как для мужчин, так и для женщин; костные патологии (в т. ч. туберкулез, подагра), мочекаменная болезнь, зубочелюстные патологии. Для Боспора была характерна высокая детская смертность [2, с. 476; 20, с. 140–142; 6, с. 98–114; 17, с. 243]. Значительное число женщин умирало родами, об этом даже говорят некоторые надгробные эпитафии [12, № 141; 8, с. 44]. Впрочем, врач-философ, скорее всего, не занимался работой акушера: роды принимали повитухи, даже в тяжелых случаях врача звали не всегда.

¹ Исключение – билингвальная надпись (на греческом и латыни): «Луций Воллозий, воин Кипрской когорты, центурии Секунда, привет прохожим» [12, № 691].

Рис. 8. Статуэтка Асклепия. Херсонес. Начало II в. н. э.

Рис. 9. Кувшин с рельефными изображениями
Асклепия и Гигиен. Херсонес. III в. н. э.

В конце I в. до н. э. – I в. н. э. в городах Европейского Боспора появляется значительное число надгробий молодых людей, причем в некоторых эпитафиях поэты специально отмечают, что причиной смерти стала «алчная», «тяжелая» болезнь [12, № 123, 126, 127, 148]. Становятся частыми коллективные надгробия, их ставят совместно матери и сыну [12, № 276, 284, 289, 299, 308, 561], матери и нескольким детям [12, № 128], детям, похороненным вместе [12, № 316, 546, 907, 929], матери и дочери [12, № 285, 899, 969, 1074], отцу и дочери [12, № 355, 389, 494, 880]. Причины постановки такого числа совместных надгробий не вполне ясны. Наиболее вероятной представляется версия Н. В. Молевой о демографическом кризисе на Боспоре, вызванном эпидемией второй половины I в. до н. э. – I в. н. э. [16, с. 215–218]. Возможно, намеком на массовые смерти от болезни среди сограждан служит высказывание боспорского поэта в эпитафии Молу (I в. до н. э.): «Если сразила тебя болезнь, то снеси это как смертный: это – наша участь, людей, постоянно гибнущих» [12, № 126]. В метрической эпитафии, посвященной Трифониде и трем ее детям (I в. н. э.), описывается ситуация, похожая на эпидемию: муж Трифониды и отец детей «узрел их тяжкие страдания... одно за другим» [12, № 128].

Известно, что в таких случаях античные государства приглашали лучших специалистов из известных медицинских центров для борьбы с внезапно распространившейся болезнью [7, с. 138, 144]. Не мог ли быть Авл Ситесий таким приглашенным врачом из медицинского центра в Малой Азии? Надгробие Авла Ситесия относится к первой половине II в. н. э., возможно, он работал в Пантикапее во второй половине – последней четверти I в. н. э. Большинство надгробий, которые можно интерпретировать как свидетельства об эпидемии, относятся к I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. Только два памятника датируют по характеру письма второй половиной I в. н. э. – первой половиной II в. н. э. [12, № 546, 907]. Очевидно, что рассматривать Авла Ситесия в качестве врача, боровшегося с эпидемией на Боспоре, – это значит допускать хронологическую натяжку. По всей видимости, врачу-эмпирику приходилось сталкиваться с иными, неэпидемическими случаями болезней.

О деятельности других последователей эмпирической или какой-либо иной философско-медицинской школы на Боспоре ничего не известно. Вместе с тем сообщения античных авторов и эпитафические памятники свидетельствуют о значительном интересе боспорян к философии, наукам и литературе, в том числе в римское время (Athen. VIII. 349d; Philostr. Vitae soph. I. 24) [12, № 121, 145, 146; 18, с. 45–81]. В этом отношении стела Авла Ситесия является ценным памятником, позволяющим уточнить просопографию интеллектуалов Северного Причерноморья и проследить культурные связи региона с крупными центрами античного мира.

Список литературы

1. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней: Античность и Средневековье / Д. Антисери, Дж. Реале; пер. С. А. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 2003. – 688 с.
Antiseri D., Reale Dzh. Zapadnaja filosofija ot istokov do nashih dnejj: Antichnost' i Srednevekov'e / D. Antiseri, Dzh. Reale; per. S. A. Mal'cevoj. – SPb.: Pnevma, 2003. – 688 s.
2. Античное наследие Кубани: В 3-х т. / Ред., сост. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. – Т. 2. – М.: Наука, 2010. – 669 с.

- Antichnoe nasledie Kubani : V 3–h t. / Red., sost. G. M. Bongard-Levin, V. D. Kuznecov. – T. 2. – M.: Nauka, 2010. – 669 s.
3. Асмус В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. – М.: Высшая школа, 1976. – 544 с.
Asmus V. F. Antichnaja filosofija / V. F. Asmus. – M.: Vysshaja shkola, 1976. – 544 s.
  4. Бабинов Ю. А. Алтари со змеями из Херсонеса Таврического / Ю. А. Бабинов // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. – М.: Моск. обл. педагогич. Институт им. Н. К. Крупской, 1974. – С. 30–36.
Babinov Ju. A. Altari so zmejami iz Hersonesa Tavricheskogo / Ju. A. Babinov // Social'no-ekonomicheskie problemy istorii drevnego mira i srednih vekov. – M.: Mosk.obl. pedagogich. Institut im. N. K. Krupskoj, 1974. – S. 30–36.
  5. Балалыкин Д. А., Щеглов А. П., Шок Н. П. Единство философской теории и медицинской практики во взглядах Галена / Д. А. Балалыкин, А. П. Щеглов, Н. П. Шок // Философия науки. – 2014. – №1 (60). – С. 70–85.
Balalykin D. A., Shheglov A. P., Shok N. P. Edinstvo filosofskoj teorii i medicinskoj praktiki vo vzgljadah Galena / D. A. Balalykin, A. P. Shheglov, N. P. Shok // Filosofija nauki. – 2014. – №1 (60). – S. 70–85.
  6. Батиева Е. Ф. Население Танаиса по антропологическим данным / Е. Ф. Батиева // Вестник Танаиса. – 2007. – Вып. 2. – С. 98–114.
Batieva E. F. Naselenie Tanaisa po antropologicheskim dannym / E. F. Batieva // Vestnik Tanaisa. – 2007. – Vyp. 2. – S. 98–114.
  7. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени / Т. В. Блаватская. – М.: Наука, 1983. – 324 с.
Blavatskaja T. V. Iz istorii grecheskoj intelligencii jellinisticheskogo vremeni / T. V. Blavatskaja. – M.: Nauka, 1983. – 324 s.
  8. Боспорские надгробия II в. до н. э. – III в. н. э. / Под ред. В. Зинько, Е. Зинько, А. Твардецкий. – Киев: Мистецтво, 2009. – 495 с.
Bosporskie nadgrobija II v. do n. e. – III v. n. e. / Pod red. V. Zin'ko, E. Zin'ko, A. Tvardecki. – Kiev: Mistectvo, 2009. – 495 s.
  9. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство / В. Ф. Гайдукевич. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 591 с.
Gajdukevich V. F. Bosporskoe carstvo / V. F. Gajdukevich. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. – 591 s.
  10. Гален Клавдий. О толках для начинающих / Клавдий Гален, пер. Е. В. Афонасина // ΣΧΟΛΗ: Философское антиковедение и классическая традиция. – 2015. – Vol. 9. 1. – С. 56–72.
Galen, Klavdij. O tolkah dlja nachinajushhih / Klavdij Galen; per. E. V. Afonasina // ΣΧΟΛΗ: Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaja tradicija. – 2015. – Vol. 9. 1. – S. 56–72.
  11. Дьячков С. В. Римские граждане в Северном Причерноморье / С. В. Дьячков // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева. – Харьков: АО «Бизнес Информ», 1997. – С. 57–79.
D'jachkov S. V. Rimskie grazhdane v Severnom Prichernomor'e / S. V. D'jachkov // Antichnyj mir. Vizantija: K 70-letiju professora V. I. Kadeeva. – Har'kov: AO «Biznes Inform», 1997. – S. 57–79.
  12. Корпус боспорских надписей / Ред. В. В. Струве. – М.; Л.: Наука, 1965. – 950 с.
Korpus bosporskih nadpisej / Red. V. V. Struve. – M.; L.: Nauka, 1965. – 950 p.
  13. Лега В. П. Секст Эмпирик: Скептицизм как образ жизни / В. П. Лега // Mathesis: Из истории античной науки и философии / Ред. И. Д. Рожанский. – М.: Наука, 1991. – С. 210–219.
Lega V. P. Sekst Jempirik: Skepticizm kak obraz zhizni / V. P. Lega // Mathesis: Iz istorii antichnoj nauki i filosofii / Red. I. D. Rozhanskij. – M.: Nauka, 1991. – S. 210–219.

14. Мировое наследие Европейского Боспора. Коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: Каталог / Гл. ред. К. Игнатов. – Керчь: Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник; Симферополь: ИП Игнатов, 2016. – 356 с.
Mirovye nasledie Evropejskogo Bospora. Kollekcii Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeja-zapovednika: Katalog / Gl. red. K. Ignatov. – Kerch': Vostochno-Krymskij istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik; Simferopol': IP Ignatov, 2016. – 356 s.
15. Молев Е. А., Матукина А. Н. К вопросу о философии и философах на Боспоре / Е. А. Молев, А. Н. Матукина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 6. – С. 63–70.
Molev E. A., Matukina A. N. K voprosu o filosofii i filosofah na Bospore / E. A. Molev, A. N. Matukina // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2016. – № 6. – S. 63–70.
16. Молева Н. В. О возможности демографического кризиса на Боспоре второй половины I в. до н.э. – I в. н. э. (по данным эпиграфики) / Н. В. Молева // Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф / Ред.-сост. Зинько В. Н. – Керчь: Деметра, 2007. – Вып. VI. – С. 215–218.
Moleva N. V. O vozmozhnosti demograficheskogo krizisa na Bospore vtoroj poloviny I v. do n.e. – I v. n. e. (po dannym epigrafiki) / N. V. Moleva // Bosporskie chtenija: Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Periody destabilizacii, katastrof / Red.-sost. Zin'ko V. N. – Kerch': Demetra, 2007. – Vyp. VI. – S. 215–218.
17. Пономарев Д. Ю. Палеопатогеография мочекаменной болезни в Крыму в античную и средневековую эпохи / Д. Ю. Пономарев // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. – Керчь: Деметра, 2001. – С. 240–245.
Ponomarev D. Ju. Paleopatogeografija mochekamennoj bolezni v Krymu v antichnuju i srednevekovuju epohi / D. Ju. Ponomarev // Bospor Kimmerijskij i Pont v period antichnosti i srednevekov'ja: Materialy II Bosporskih chtenij. – Kerch': Demetra, 2001. – S. 240–245.
18. Сапрыкин Ю. С. Энкомий из Пантикапея и положение боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. / Ю. С. Сапрыкин // Вестник древней истории. – 2005. – № 2. – С. 45–81.
Saprykin Ju. S. Enkomij iz Pantikapeja i polozhenie bosporskogo carstva v konce I – nachale II v. n. je. / Ju. S. Saprykin // Vestnik drevnej istorii. – 2005. – № 2. – S. 45–81.
19. Солопова М. А. Скептики / М. А. Солопова // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. / Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. – Т. 3. – М.: Мысль, 2010. – С. 511–512.
Solopova M. A. Skeptiki / M. A. Solopova // Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4 t. / Nauchno-red. совет: V. S. Stepin, A. A. Gusejnov, G. Ju. Semigin. – T. 3. – M.: Mysl', 2010. – S. 511–512.
20. Фанагория: Альбом / Ин-т археологии РАН; под ред. В. Д. Кузнецова и А. А. Завойкина. – М.: Тип. «Locus Standi», 2015. – 176 с.
Fanagorija: Al'bom / In-t arheologii RAN; pod red. V. D. Kuznecova i A. A. Zavojkina. – M.: Tip. «Locus Standi», 2015. – 176 s.
21. Харалдина З. Е., Новичихин А. М. Античные коллекции Анапского музея / З. Е. Харалдина, А. М. Новичихин // Горгиппийский сборник / Анапский археологический музей. – Анапа: ООО «Донской издательский дом», 2000. – С. 60–75.
Haraldina Z. E., Novichihin A. M. Antichnye kollekcii Anapskogo muzeja / Z. E. Haraldina, A. M. Novichihin // Gorgippijskij sbornik / Anapskij arheologicheskij muzej. – Anapa: ООО «Donskoj izdatel'skij dom», 2000. – S. 60–75.

Leybenson J. T. Aulus Sitiesius – the representative of philosophical and medical school from Bosporus / J. T. Leybenson

This article concentrates on the Aulus Sitiesius funeral stele as a source of information about physicians on Bosphorus. It is a monument of the 2nd century AD from Panticapaeum which contains a relief. On this relief the Aulus Sitiesius, local physician is represented in an image of the philosopher. The short epitaph reports only a name of buried and the fact that he was an empiricist. Thus, the stele tells us that buried was the representative of philosophical and medical school of empiricists. This school is known since the Hellenistic era. It reached the greatest popularity in the Roman time, in the 1-2nd centuries AD. Theoretical doctrines of the empiricists relying on skeptical philosophy of the Pyrrho were described the Sextus Empiricus and the Aulus Cornelius Celsus. In more detail about theoretical provisions and methods of work of empiric physicians the Galen wrote in the 2nd century AD in the treatise "De sectis". Galen's message allows to present in general medical practice of the Aulus Sitiesius in Panticapaeum: he had to observe the course of a disease of the patients; to investigate "the previous reasons" of diseases as experience proved importance of their account for successful treatment; to trust only those methods and medicines which were repeatedly confirmed in medical practice. Of course, we don't know all methods of iatrotechnics of the Aulus Sitiesius, but we can establish what method he should not have used, being an adherent of empirical school. According to Galen, empiricists did not apply bloodletting in Scythia because of a frigid climate which weakens an organism and makes dangerous this popular medical practice. Cold winters on Bosphorus, apparently, were an obstacle for bloodlettings in Panticapaeum. Archeological materials from necropolises of Bosphorus allow to judge what diseases the doctor had to face: these are injuries of military and household character, bone and dentofacial pathologies or diseases of urogenital system. Gravestones of the second half of the 1st century BC – the first half of the 1st century AD allow to assume distribution of some epidemic in the territory of the European Bosphorus. But Aulus Sitiesius, most likely, conducted medical practice after epidemic. The name of Aulus Sitiesius allows to assume that he comes from freedmen of Asia Minor. This assumption is confirmed by the fact that in Laodicea, Nikomedia and Tarsus there were medical schools where empiric physicians taught. In the indication of empirical school in a short epitaph to the Aulus Sitiesius we probably should see desire of his followers who put a stele to emphasize importance of the philosophical and medical doctrine. Perhaps, followers of this physician after his death worked at Bosphorus some time, but proofs of existence of empirical school in Northern Black Sea Coast region are absent. Most likely, followers of Aulus Sitiesius wished to represent it on a relief as the intellectual in «a philosopher cloak». This type of a relief was rather extended to the European and Asian Bosphorus territories from the 1st century BC to 2nd century AD: in such image were represented people of intellectual occupations or just those who were fond of poetry and literature. At the same time, from our point of view, the image of the Aulus Sitiesius has to remind the viewer the image of healing god Asclepius. The pose, attire and attributes (an altar with a snake) are similar to a number of images of this deity, including those that come from Northern Black Sea Coast region. Thus followers of the Aulus Sitiesius tried to emphasize divine character of philosophy and iatrotechnics of the mentor. The idea about divine character of philosophy became very popular because of Plato, and was well-known on Bosphorus. Aulus Sitiesius is the only physician practicing on Bosphorus whose name is known. Besides, he is only representative of philosophical and medical school from Bosphorus. This fact makes its gravestone by especially valuable monument for studying the culture of the Bosphoran Kingdom and Northern Black Sea Coast region in general.

Keywords: antique states of Northern Black Sea Coast region, history of medicine, philosophy, prosopography.